

ссылается ни на какой источник.⁷⁵ Однако мы уже приводили примеры того, что в языке летописи и других древнерусских памятников «погибель» имеет всегда смысл «разрушение», «уничтожение» — ἀπόλεια, ὀλεθρος. Владимир Мономах восклицает в 1097 г., узнав о страшном злодеянии — ослеплении Василька: «аще сего не поправим, больше зло встанеть в нас, и начнет брат брата закалати, и погибнет земля Русьская, и врази наши половци пришедше возьмутъ землю Русьскую». Ясно, что «погибель» есть потеря свободы, гибель государства. Так, Гектор предрекал:

Будет некогда день, и погибнет священная Троя,
С нею погибнет Приам, и народ копыеносца Приама.

(Илиада, VI, 448—449).

Особенно важно, что в «Повести о разорении Рязани Батыем» слова «погибель», «погибнуть» встречаются семь раз, и всегда в самом сильном смысле: «Виде князь Ингварь Ингоревичъ великую конечную погибель», «кто бо не восплачется толикия погибели?», «все узорочье рязанское, иже вскоре погипе», «погипе град и земля Рязанская», «скоро погипли есте», «да бых не видел смерти вашаея, а свояея погибели!», «день, в он же погипе толико господарей и многое узорочье рязанское, храбрых удальцов». Это слово было у всех на устах в годы татарской грозы: в Галицко-Волынской летописи говорится, что пленный тысяцкий киевский Димитрий «виде землю гибнущу Рускую от нечестивого» — в этих трех словах заключено заглавие нашего «Слова».

Певец «Слова», столь горячо вспоминающий Мономаха, как бы отзывается на его предсказание: князья не послушались мудрого призыва, враждовали «в ты дни» — и до вокняжения Мономаха и после его смерти «до нынешнего Ярослава», и наконец гибнет земля Русская, т. е. ее державная свобода и величие; пришли не половцы, а еще более страшные татары, и «пришедше взяли землю Рускую».

Однако В. Филиппу понравилась мысль М. Горлина: «погибель» есть лишь «ущерб» (dégât), и он заменяет свой прежний перевод «Das Lied vom Untergang» новым «Das Lied vom Niedergang» (Песнь о нисхождении, ослаблении Русской державы). В. Филиппу кажется, что «погибель», которую собирается воспеть певец, это то же, что «болезнь крестьяном от великого Ярослава», и что под «погибелью» певец понимает всю эпоху междоусобиц от 1054 до 1212 или 1223 г.

Автору кажется, что заглавие «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава» первоначально и что певец собирался воспеть весь удельный период от 1054 г. как медленное «нисхождение Русской державы» по смерти Ярослава Мудрого! Это открытие неудачно: нельзя себе представить певца, который будет излагать в стихах двухвековой период ослабления государства; каждое эпическое произведение вдохновляется ярким событием — победой или поражением, а не историческим процессом, что может служить темой лишь для ученого трактата. А во вторых, все сохранившееся начало «Слова о погибели» резко противоречит гипотезе В. Филиппа: оно рисует величие Русской земли при ее великих князьях — Всеволоде III (1178—1212), отце его Юрии Долгоруком (умер в 1157 г.) и деде его Владимире Мономахе (1113—1125): тогда все поганские страны были покорны христианскому русскому народу, тогда

⁷⁵ Он утверждает, что так и в современном языке, глухо говоря: «свидетель Даль» (témoin Dahl: M. Gorlin, RES, XXIII, стр. 32). Однако у Даля (Толковый словарь, т. III, стр. 391) мы найдем: «Погибель, ж. гибель, пропажа, истребление, уничтожение; смерть; крайняя опасность. беда, напасть или пагуба», со многими примерами; никакого «ущерба» мы не находим. Ссылка Горлина просто неверна.